

С. Э. Зверев, Н. Б. Сторожев

Русская военная риторика XVI в.

В статье рассматриваются история и отличительные особенности русской военной риторики XVI в. периода царствования Иоанна Грозного. Обосновывается смена героического пафоса военных речей пафосом религиозным и постепенное перерастание его в пафос национальный в период борьбы с Казанским царством.

Ключевые слова: военная риторика, военная речь, пафос общественной речи, воинский риторический канон

Sergey E. Zverev, Nikolay B. Storozhev

Russian military rhetoric of the XVI century

In the article the history and peculiarities of Russian military rhetoric of Ivan the Terrible are studied. The change an heroic inspiration of military oration and its graduated to the religious and national inspiration during the struggle against Kazan Khanate is proved.

Keywords: military rhetoric, military oration, inspiration of public speech, military rhetoric rules

Процесс становления и развития Московского государства и достижения им самых значительных военных успехов справедливо связывается с именем царя и великого князя Иоанна Васильевича Грозного.

Первый, наиболее славный период его царствования увенчан величайшим воинским подвигом, сравниться с которым могут только последующие деяния Петра Великого. Взятие русскими Казани потребовало коренной перестройки сложившегося к тому времени воинского менталитета; потребовалось перестроить сознание воинов, дотоле ориентированное на оказание пассивного сопротивления агрессору, настроить его на необходимость активных наступательных действий. Воспитание войск оказалось задачей колоссальной сложности; не последнюю роль в ее разрешении сыграла русская военная риторика.

Говоря о времени, непосредственно предшествующем Казанскому походу, надо честно признать, что боевой дух русского поместного войска стоял тогда чрезвычайно низко. Да и какой боевой дух мог быть у войска, полководцы которого руководствовались таким наставлением по военному красноречию:

Пусть будет целью твоей укрепить сердца воинов твоих; и обещаи им, что ты достигнешь победы; и покажи им, что ты имеешь в доказательство этого; и **умножь у них оружие, которое бьет издалека**. . . Следует, чтобы встал законоучитель твой и произнес речь от твоего имени (а ты бы стоял здесь же **в смирении великом**), **негодюя со слезами** (выделено нами. – С. З., Н. С.) о неправде раба твоего, и обещаи каждому из них милость свою больше прежней, и каждому

обещаи помнить доброту его и чистое сердце его. И обещаи им, что сделаешь их вечными слугами своими, и увеличи им дары свои, и обещаи сделать поселянина боярином, а боярина витезем. И скажи им, что правило и заповедь государственная гласит, что те, кто покинет государя своего на поле брани, – лишены чести и доверия. Следует, чтобы законник твой рассказывал им пространно в поучении должном и что нужно постыться, молить Бога со страхом и смирением, потому что так избавятся они от скорбей и печалей, которые их ожидают¹.

Это цитата из «Тайная тайных» – русского варианта средневекового памятника о правилах государственного управления, пользовавшегося в свое время исключительной популярностью в Европе. Сочинение это восходит к арабскому оригиналу VIII–IX вв. и представляет собой собрание житейских наставлений, которые будто бы были преподаны Аристотелем его ученику Александру Македонскому.

Подобная воинская речевая практика, в принципе, была применима на Западе. Словная гордость и агрессивность рыцарства не оставляла их верховному вождю других способов речевого воздействия, кроме того, чтобы «весьма приветливо» просить своих могучих вассалов отстоять «его честь и его право» (из речи английского короля Эдуарда III перед сражением при Креси). Бездумное следование этому правилу на Руси, не обладавшей в полной мере сформировавшимся воинским сословием, могло привести только к распухлости и деморализации войска, возглавлявшемуся, к тому же, не харизматическими военными лидерами, а феодалами-вотчинниками, в большей степени

озабоченными приумножением собственного благосостояния, чем радением за государственные интересы.

В первой половине XVI в. этот процесс достиг угрожающих масштабов. Состояние духа русского войска в этот период хорошо иллюстрирует Большая челобитная Ивана Пересветова царю Иоанну IV Васильевичу, содержащая записи рассуждений молдавского господара Петра IV Рареша (1527–1538, 1541–1546 гг.) о характере воинского служения и обязанностях воинов. В этой связи представляют интерес философские пассажи Петра (или самого Пересветова) о **правде**, в какой-то степени отразившие процесс формирования русского **национального** пафоса в общественной речи. Падение Константинополя (1453 г.) произвело огромное впечатление на средневековое православное русское сознание и повлекло за собой определенные мировоззренческие сдвиги, отразившиеся на незыблемо господствовавшем дотоле **религиозном** пафосе. Русским людям потребовалось срочно решать вопрос: как всемогущий Господь попустил впасть в руки врагов Божиих православной столице с ее святынями и непоколебленной в своей чистоте верой? Ответ был найден в возникновении и быстром распространении в сознании народа ставшей впоследствии столь популярной концепции **правды**, понимаемой как исполнение воли Божией в устроении земной жизни. Критерий чистоты веры в снискании помощи Божьей в трудах (в том числе и воинских) переставал быть исключительным и определяющим.

«Не веру любит Бог, правду...» – говорил Петр Рареш русскому царю устами Ивана Пересветова (или наоборот), – ...А греки читали Евангелие, иные же слушали, а божьей воли не исполняли... Так что великое это знамение от Бога: **не любит Господь гордыни и рабства**. За это же и греки погибли: за гордыню и рабство... А правду любит Господь, правда сильнее всего. Турецкий царь Магомет великую правду ввел в царстве своем, **хоть иноплеменник, а доставил Богу сердечную радость** (!). Вот если б к той правде да вера христианская, то бы и ангелы с ними в общении пребывали (выделено нами. – С. 3., Н. С.)².

Нельзя сказать, чтобы мысли эти были новы. Богословское обоснование концепции правды зиждилось, надо полагать, на евангельских словах «Ищите прежде Царства Божия и правды его» (Мф. 6:33), на словах апостола «вера без дел мертва есть» (Иак 1:21–22) и концепции блаженного Августина о «Граде Божием». Новым было признание губительности для успешного распространения **правды** «рабства». Рабство здесь

надо понимать как состояние бездеятельного духа, духа покорности судьбе, безразличия к происходящему и нежелание содействовать Богу в реализации Его воли. А то, что монголо-татарское иго привело к определенной пассивности русского национального характера, которому стали свойственны «чрезмерная неповоротливость и бездеятельность теоретического мышления», признавали впоследствии даже евразийцы³. **Правда** предъявляла высокие требования государственным людям не только в плане личного исповедания православной веры и строгого следования ее догматам, но и в плане активной деятельности по упрочению и распространению воинствующей церкви на земле.

С позиции **правды** дела в русском государстве в XVI в. выглядели не лучшим образом. «Сами вельможи русского царя богатеют и в лени пребывают, – писал Иван Пересветов, – а царство его в скудость приводят. Потому называются они слугами его, что прибывают на службу к нему в нарядах, на конях и с людьми, но за веру христианскую некрепко стоят и без отваги с врагом смертную игру ведут, так что Богу лгут и государю. **Что из того, что их много, раз нет у них верного сердца, а смерти боятся и умирать не хотят** (выделено нами. – С. 3., Н. С.). Богачи ничуть не почитают воинские таланты. Пусть даже богатырь разбогатеет, и тот обленится. Воина содержать, что сокола кормить: всегда ему сердце веселить, никакой печали к нему не подпускать»⁴.

Послание убедительно показывает, что местная система при отсутствии в Московском государстве подлинно воинского сословия, водухушенного **героическим** пафосом личной чести, доблести и славы, не способна была в полной мере обеспечить надежную оборону страны. Сама многочисленность поместного войска выступала фактором ослабления его духовных сил, порождая мнимую уверенность в успешности военных предприятий, которая в столкновении с суровой реальностью войны неизбежно терпела крах. Такое войско особенно нуждалось в длительном воинском воспитании.

Послания Ивана Пересветова, как о том совершенно определенно говорит он сам, доходили до царя; вопрос о том насколько Грозный руководился советами «молдавского воеводы», естественно, остается открытым. Но это и не столь важно; важно то, что подобные мысли (а Петр Рареш настоятельно рекомендовал Иоанну завести постоянное войско и обезопасить свои восточные границы, взяв Казань) имели хождение в период, предшествующий казанским походам русского царя. **Таким образом, можно считать, что концепция п р а в д ы по-**

служила идеологическим основанием возрождения национального пафоса борьбы за укрепление русского централизованного государства.

Говоря об особенностях русской военной риторики Московского государства, мы будем обращаться к рассказу об осаде и взятии Казани как центральном событии русской истории XVI в., содержащемся в «Казанской истории». Это произведение, созданное в 1564–1565 гг. очевидцем, находившимся в осажденном городе, несмотря на отмечавшиеся рядом исследователей неточности, в целом хорошо передает дух времени и содержит большое количество образцов военной риторики периода позднего русского средневековья.

К середине XVI в. противостояние русских с казанскими татарами длилось около полутора столетий и было исключительно трудным и упорным. Казанское царство – один из осколков могущественной Золотой Орды ставилось летописцем в один ряд с ней, поскольку именно к Казани «перешла слава и великая честь от старой, мудрейшей среди других орд Большой Орды»⁵.

О том, каким трудным противником для русских были татары, неоднократно говорит летописец «Казанской истории». Когда в 1505 г. татары внезапно осадили Нижний Новгород, от падения он был спасен только тремястами пленными (!) литовскими стрельками, находившимися в городе в заточении и пожелавшими участвовать в бою вместо горожан – «пугливых людей», по выражению летописца. В то же время московское войско, посланное великим князем Иваном III (1440–1505), не решилось прийти на помощь осажденным. «Московские же воеводы... со стотысячным войском стояли в это время наготове в Муроме, – возмущенно восклицал летописец. – Но они больше себя берегли, чем свою землю: в страхе и трепете, безумные, боялись они выйти из города. ...Казанцы же неподалеку от них ходили, насмехаясь над ними, грабили и губили христиан и огню предавали большие села»⁶.

О том, насколько тяжело было русскому помещному воинству бороться против опытных в битвах казанских хищников, говорят обстоятельства убийства в ходе относительно удачного для русских похода 1530 г. татарского богатыря Аталыка. Взятый внезапно в результате ночного нападения татарин был убит невооруженным. Описание его невольно пробуждает ассоциации с былинными страшилищами вроде Идолища: «Наезжал он, злой, на сто человек удалых бойцов, и приводил в смятение все русские полки, и, убив многих, отъезжал; тех же, кого он догонял и настигал, рассекал мечом своим надвое от головы до седла, ибо не спасал от меча его ни шлем,

ни панцирь... Ростом же и дородством был он как исполин, глаза у него были налиты кровью, словно у зверя или людоеда, и такие же большие, как у буйвола. И всякий человек боялся его. Русский воевода или простой воин против него выехать с ним драться не смели. От взгляда его нападал на людей страх»⁷.

Летописец честно объясняет причины этих трудностей и поголовного страха перед татарами. «Ибо изначально владели измаильяне военным искусством, которому обучаются они с детства, потому они и суровы так, и бесстрашны, и настойчивы бывают в боях с нами, смиренными. Праотцами своими – Исавом и гордым Измаилом – были они благословлены добывать пропитание себе оружием; мы же ведем род от кроткого и смиренного праотца нашего Иакова, поэтому и не можем сильно сопротивляться им и часто смиряемся перед ними, как Иаков пред Исавом, и побеждаем их оружием крестным, ибо оно приносит нам победу над врагами нашими»⁸.

Иоанн IV, начиная свои войны со столь сильным противником, прежде позаботился, помимо организационных перемен, непрестанной заботой о войске поднять дух его. Не было забыто и речевое воздействие. Отправляя воевод Семена Микулинского и Василия Серебряного в 1545 г. в первый поход в Казанскую землю, царь так напутствовал войско: «Знаете ли, о сильные мои, какой пламень горит в сердце моем из-за Казани и не угаснет никогда? Вспомните же все доброе, что получили от отца моего и от меня, пусть даже от меня и мало еще: теперь же подошло вам время показать любовь вашу ко мне усердной и преданной службой против врагов моих, и если хорошо послужите и печаль мою утешите, то больше прежнего, о друзья, награжу вас многими дарами. И теперь надеюсь я на первых моих воевод и благородных юношей»⁹.

Нетрудно заметить, что военная речь царя словно списана из «Тайная тайных» и совершенно противоречит стилистике позднейших посланий Иоанна Грозного. Тем не менее, решая вопрос о достоверности текста речи, не стоит забывать о том, что царю в это время было всего 15 лет. Отсутствие собственного опыта государственного управления, безусловно, могло сказываться на следовании юным Иоанном «учебным» образцам. Как бы то ни было, этот образец (классическая **просьба**) представляет хорошую иллюстрацию практического использования рекомендаций средневековых трактатов в практике русского военного красноречия XVI в. Однако даже такая относительно «скромная» речь оказалась способной вдохновить полководцев

и войска, как о том совершенно определенно пишет автор «Казанской истории».

Выступление русского войска в знаменитый поход 1552 г. начиналось вполне традиционно. После совершения молебна и крестного хода в Кремле царь сотворил коленопреклоненную молитву перед Владимирской иконой Божьей Матери и получил благословение от митрополита. В тексте «Истории» этот эпизод сопровождается любопытным комментарием, в котором слышится веяние духа Возрождения: «Великий князь принимает святительское благословение, как от десницы небесного вседержителя, а вместе с ним – **храбрость и мужество Александра, царя Македонского** (выделено нами. – С. З., Н. С.)»¹⁰.

В ультиматуме царя казанцам впервые слышится складывающийся индивидуальный риторический стиль Грозного с характерной для него неожиданной сменой тональности, переходами от велеречивой убедительности к резкой язвительности и инвективам.

Пожалей себя, – говорил он, – казанский царь, устрашись меня. Видя разорение земли своей и гибель многих своих людей, сдайся мне добровольно... Также и вы, казанцы... присягайте нам, как и прежде, без страха, ничего не опасаясь, и прошу вам все прежние злые дела и тяжелые напасти, которые терпел от вас отец мой, и сам я после него...

<...> Говорю вам истинную правду для вашей же пользы, щадя вас и оберегая, ибо не кровопийца я и не сыроядец, как вы, поганые басурмане, и не рад я пролитию вашей крови, но за великую неправду вашу пришел я, посланный Богом, оружием наказать вас. И если не послушаете слов моих, то с помощью Бога моего возьму город ваш на щит, вас же всех, и жен ваших, и детей без пощады склоню под меч. И падете вы и будете, как пыль, попраны нашими ногами...¹¹

Сам факт посылки ультиматума говорит о многом. Напомним, что когда крестоносцы добрались до Иерусалима, то столь велико было ожесточение обеих сторон, что «ни один посланник от мусульман не являлся в стане христианском, и крестоносцы даже не удостоили требовать сдачи города... Между такими врагами бой должен был быть ужасен и победа беспощадна»¹². Противостояние русских и татар, как было показано, носило едва ли не более ожесточенный характер, и мы были бы вправе ожидать, что послание русского царя будет целиком составлено из слов, которые у него, будто бы невольно, вырвались только к концу речи. Неслыханная умеренность требований царя

Иоанна может говорить только о том, что **религиозным** пафос войны был только по форме, по духу же – **национальным**. В соответствии с этим умеренность требований могла объясняться и тем, что решение «проблемы» Казани виделась Иоанну Грозному не в поголовном уничтожении иноверцев, как это было при захвате Иерусалима крестоносцами, а в планомерном «освоении» завоеванной территории Казанского царства и инкультурации казанских татар в национальное русское государство.

Как бы ни судить о правоте сторон в известной переписке царя с князем Курбским, нельзя не признать, что противодействие царским замыслам, слабодушие и растерянность проявляли именно представители высшего русского командования. На протяжении всего повествования о ходе осады автор «Истории» ни разу не упоминает о ропоте или неповиновении среди простых воинов. Зато уже после первых сорока дней сражений под стенами крепости царь вынужден был отстаивать решение продолжать осаду на военном совете перед военачальниками. Воеводы царя «сильно затосковали» и подобно римлянам перед сражением с германцами Ариовиста в Галльском походе Цезаря¹³ стали искать «разумные» основания своего страха, как обычно, в недостатке «корма» и заботе о коммуникациях. Первая военная речь царя, таким образом, была произнесена перед своими командирами.

Как же похвалят вас, о великие мои воеводы, все народы, досаждающие нам! Почему раньше времени стали вы боязливы, еще мало тягот испытывали? И что скажут о нас враги наши? И кто посмеется над нами, часто приходящими сюда и привозящими такой тяжелый наряд и всегда великое дело начинающими, но не совершающими его, ничего доброго сделать не успевающими, только обременяющими себя тяжким трудом?! Говорите вы мне, словно неразумные: для себя ли одного так тружусь я и так страдаю, не общей ли ради пользы мирской? И разве не ваша и не моя это держава – Русская земля?... Или не помните вы слов своих, когда еще в палате моей, в Москве, советовался с вами, и вы хорошо сказали мне: «Держай и не бойся! И царствовать с тобой и умереть готовимся!» и развеселили вы мне тогда сердце, теперь же опечалили.

<...> И знаете вы лучше меня: кто вознаграждается без труда? Земледелец трудится с печалью и со слезами, зато жнет с веселием и радостью; также и купец, оставляет дом, жену и детей, переплывает моря и доходит до дальних земель, ища богатства; когда же разбогатеет и возвратится, то все труды от радости забывает,

обретая покой с домашними своими. Помня об этом, потерпим же еще немного, и вы узрете славу божию. И потому молю вас, господа мои: не требуйте этого от меня сейчас, да умру с вами на чужой земле, а в Москву с поношением и со стыдом не возвращаюсь! Лучше нам всем вместе умереть, и пострадать плотью за Христа, и прославиться в будущих поколениях или, победив, великие блага приобрести! Так возьмем сладкую чашу с питием, или прольем – или одолеем, или будем побеждены!¹⁴

Перед нами блестяще риторически разработанное произведение. С точки зрения формы в речи наблюдается причудливое сочетание пафосов: героического, религиозного и национального. С точки зрения аргументации – в ней использована особо эффективная восходящая двусторонняя аргументация, цель которой – убедить подчиненных в несомненной помощи Божьей (религиозный пафос), пристыдив, пробудить честолюбие (героический пафос) и напомнить о долге перед Родиной (пафос национальный). Эта, как говорится, триединая задача была разрешена благодаря чрезвычайно эффективному применению в речи средств выразительности, среди которых преобладают риторические вопросы, позволяющие перевести монолог оратора в диалог со слушателями во внутренней речи последних. Впервые в дошедших до нас образцах русской военной риторики в речи использован **пример**. Пример этот с одной стороны доходчивый, а с другой – очень тонко построенный на аллюзиях к евангельским притчам о купце, ищущем хороших жемчужин, и о земледельце, который призван добывать хлеб свой «в поте лица», нашедшем клад на поле своем. Эти сюжеты в Священном Писании призваны были иллюстрировать понятие Царствия Божия, столь вождельного в средневековье; обращение к ним позволяло исподволь, «манипулятивно» сформировать эмоционально-волевой настрой слушателей «потерпеть» ради славы Божией и Царства Его. Эти аллюзии, мало доступные восприятию современного человека, надо полагать, много говорили религиозному сознанию русских людей того времени. Использован и традиционный для русской риторики образ общей чаши, основанный на евангельском сюжете.

Речевое воздействие царя на войска в казанском походе было многоуровневым. В условиях недостатка у осаждающих съестных припасов, к чему всегда особенно чувствительны простые воины, царь постоянно заботился о состоянии их духа, ежедневно объезжая расположение своих войска и «**укрепляя их царским своим словом и утешая**, одаривая и удовлетво-

ряя в еде и питье, **умоляя их** (выделено нами. – С. З., Н. С.) не тужить о предстоящем великом и трудном деле...»¹⁵.

В походе 1552 г. русское войско **впервые** сопровождало многочисленное священство. Вполне возможно, что в этом царь действовал под влиянием опыта Крестовых походов, с которыми его поход имел много общего. Это было совершенно новым явлением в русской военной практике, полностью себя оправдавшим, ввиду необходимости духовной поддержки ратников в ходе длительной осады. Перед штурмом города была отслужена литургия, и сам царь, все его военачальники и «многие воины в станах очистились у отцов своих духовных, причастились Пречистых Христовых тайн и приготовились чистыми приступить к смертному подвигу»¹⁶.

Решающему приступу также предшествовал объезд царем всего войска и обращение к воинам с речью: «Братья мои и господа, князья и воеводы, и все большие и малые русские чада, теперь пришло нам доброе время одержать победу над противниками нашими за непокорство их и несмирение и за сильную злобу их и неправду. Поспешите же, устремитесь на них за свои обиды – мне на славу, себе же на великую похвалу, и, собрав все свои силы, послужите богу и нам, пострадайте за церкви божи и за все православие наше, и явите мужество свое, чтобы оставить по себе память потомкам нашим. Ведь те, кто будет убит теперь казанцами, примут на небесах венцы вместе с мучениками от Христа, Бога нашего, и запишутся имена их у нас во вседневные синодики вечные, и поминаемы будут каждый день в святых соборах церковных митрополитами, и епископами, и попами, и диаконами на литиях, и на панихидах, и на литургиях. Живые же, сохраненные Богом и не убитые погаными, здесь от меня получат и почести, и дары, и похвалу великую»¹⁷. Здесь также заметно использование всех трех видов пафосов. Изменившаяся расстановка сил сказывается в первом за **столетия** борьбы русских с татарами призыве русского полководца к победе. Само это слово уже должно было действовать чрезвычайно ободряюще на войска. Половина речи посвящена излишне подробно информированию о том, как церковь будет помянуть убитых в сражении. Это воспринимается как дань традиционному до того момента **пафосу героической смерти** и смотрится, на наш взгляд, анахронизмом. Впрочем, победы русских над татарами в то время были настолько редки, что в ней, очевидно, не полностью был уверен и сам оратор.

Ответ воинов говорит о том, что труды царя по воспитанию войска не прошли даром. Войско единодушно обещало не возвращать-

ся «с позором домой, ради многих твоих забот и страданий за всех людей своих, наших ради непрерывных трудов, постоянного хождения на Казань»¹⁸. В обращениях к такому войску полководец мог позволить себе **героический** пафос.

Краткие воззвания царя в пылу боя выдержаны именно в этом пафосе: «Царь же... словно гепард, наполнился боевой яростью, и, взяв в руки меч, сел на своего боевого коня, и, скача, кричал воеводам, размахивая мечом: „Что долго стоите без дела? Приспело время уже потрудиться немного и обрести вечную славу!“»¹⁹. Клики русских воинов, ободрявших друг друга, кажется, воспроизводят атмосферу битв крестоносцев: «Дерзайте и не бойтесь, о друзья и братья, и поспешите на дело божье – сам Христос невидимо помогает нам!»²⁰.

Поводя итоги рассмотрению особенностей общественной речи Московского государства XVI в., можно отметить характерное переплетение в военных речах **героического, религиозного и национального** пафосов. В целом следует признать, что русская средневековая военная риторика успешно выполняла задачи формирования и поддержания боевого духа войск. Речи периода позднего русского средневековья, который нами условно соотнесен со временем становления Московского государства, показывают знакомство полководцев с принципами и выразительными средствами классической риторики. Речи Иоанна Грозного в казанском походе демонстрируют следование традиционному средневековому жанру **просьбы** и

представляют собой классические убеждающие речи, сочетающие весьма тонко разработанную аргументацию с мастерским использованием средств выразительности.

Примечания

¹ Тайная тайных // Памятники литературы Древней Руси: конец XV – первая половина XVI в. М.: Худож. лит., 1984. С. 580–581.

² Сочинения Ивана Семеновича Пересветова. Большая челобитная // Там же. С. 619, 621.

³ Шатилов А. Пересвет и Челубей – братья навек // Родина. 1997. № 3–4. С. 101.

⁴ Сочинения Ивана Семеновича Пересветова. С. 607, 609.

⁵ Казанская история // Памятники литературы Древней Руси: середина XVI в. М.: Худож. лит., 1985. С. 327.

⁶ Там же. С. 335.

⁷ Там же. С. 355.

⁸ Там же. С. 365.

⁹ Там же. С. 385.

¹⁰ Там же. С. 459.

¹¹ Там же. С. 473, 475.

¹² Мишо Г. История крестовых походов. СПб., 1822. Ч. 1. С. 509.

¹³ См.: Зверев С. Э. Военная риторика Древнего мира. СПб.: Алетейя, 2011. 176 с.

¹⁴ Казанская история. С. 492.

¹⁵ Там же. С. 503.

¹⁶ Там же. С. 509.

¹⁷ Там же. С. 511.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 515.

²⁰ Там же. С. 517.